

Р.М.Шукуров

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Россия
(E-mail: rshukurov@yandex.ru)

Василевс и тюркские эмиры в 1328–1347 гг.: парадигмы церемониальных отношений

В статье исследуются парадигмы церемониальных отношений между византийскими императорами и анатолийскими тюркскими эмирами в первой трети XIV в. Автор выделяет три модели взаимоотношений, две из которых были заимствованы из XII и XIII вв., а другая появилась только в XIV в. Новая модель взаимоотношений была предложена османскими эмирами и предполагала церемониальное равенство между императором и османским эмиром.

Ключевые слова: межгосударственные отношения, византийская власть, эмират, политика тюрков, Малая Азия, церемония.

Параллельно с катастрофическим упадком византийской власти в Анатолии и отчасти благодаря ему в конце XIII–начале XIV в. в Западной Анатолии складываются первые тюркские государственные образования — эмираты Ментеше, Айдын, Караси, Сарухан, Османский эмират и др. Завоевательная активность эгейских и вифинских тюрков вскоре стала важным фактором в жизни обширного региона, включавшего в себя Эгейский регион и юго-восточную часть Балканского полуострова. Начинается эпоха экспансии западно-анатолийских тюрков за пределы Малой Азии. Тюрки пересели на корабли, или же, точнее, взойли на корабли вместе со своими конями. Наряду с островами Эгейского моря тюркские пираты совершают частые набеги на фракийские и македонские земли. Временами грабительские походы совершались тюрками, присланными анатолийскими эмирами, но еще чаще — компаниями разбойников-удальцов, не подчинявшихся никому, кроме своих случайных вождей [1]. Непрекращающееся разорение Фракии и Македонии вскоре превратилось в постоянную «головную боль» для византийской администрации. Как видно из повествования Григоры, уже к 1321 г. и Македония и Фракия становятся объектами частых морских набегов анатолийских тюрков, которые заставили задуматься Андроника II об увеличении налогов для постройки нового флота, содержания войска в Европе и в Вифинии, а также для дани тюркам [2]. В ноябре 1326 г. Андроник III и Кантакузин отбили набег тюрков на Фракию, о котором сохранилось довольно смутное сообщение самого Кантакузина [3]. Присутствие малоазийских пиратов в Гелеспотне зафиксировано для 1328 г. [4].

Византийское правительство пыталось воспроизвести традиционные схемы взаимоотношений с тюрками — привлечь хотя бы некоторых из них к союзу с империей, тем более что объективно грекам было на руку разорение тюрками латинских владений в Архипелаге. Попытки наладить контакт с эгейскими тюрками активизировались с началом единоличного правления Андроника III в 1328 г., когда он попытался несколько упорядочить дела в Эгейском регионе, ситуация в котором становилась неуправляемой. Идея заключалась в том, чтобы, используя где-то силу, а где-то дипломатию, блокировать нарастающее давление тюрков на Фракию и Эгейские островные владения империи, а также вернуть казне доходы с тех территорий, которые Византия еще была в состоянии удерживать. В выстраивании этой программы, несомненно, активное участие принял великий domestik Иоанн Кантакузин.

Начиная с 1328 г. император и великий domestik совершили ряд личных встреч с западно-анатолийскими тюркскими правителями, традицию которых продолжил позже Иоанн Кантакузин в качестве верховного правителя. В результате было положено начало важной линии в византийской политике XIV в. по привлечению военного потенциала анатолийских тюрков для разрешения внешнеполитических, а в еще большей степени — внутривизантийских проблем. Однако если помощь эмира Умура из княжества Айдын и других западно-анатолийских правителей, как правило, не выходила за рамки, установленные византийскими стратегами, то такое же сотрудничество с османами привело, в конечном счете, к окончательной катастрофе византийской государственности.

Ниже будет предпринята попытка выделить различные модели во взаимоотношении византийцев и союзных тюрков. Наиболее явно эти различия в стратегиях проявили себя в разных моделях личного общения между византийскими и тюркскими правителями. Конечно, по всей видимости,

какого-либо устоявшегося «протокола» для встреч «на высшем уровне» между византийскими и тюркскими правителями не существовало. По крайней мере, нам не известны какие-либо письменные фиксации подобных церемониальных процедур. Эти модели, как представляется, складывались *de facto*, в зависимости от личных качеств участвовавших в коммуникации агентов. Однако, как мы увидим ниже, некоторые весьма привычные, а может быть даже и необходимые элементы такого рода встреч можно выделить. Итак, обратимся к типологии личных встреч между византийскими правителями и тюркскими вождями.

Парадигма I: «государь и его подданный»

Несколько ярких и подробных примеров пиетета анатолийских тюрков к Византии дает эпоха Андроника III и Иоанна Кантакузина. Весьма показательны в этом смысле встречи византийских василевсов с эмирами Эгейских княжеств в первой половине XIV в. Встреча Андроника III с прежде враждебным эмиром княжества Караси Тимур-ханом в 1328 г. в Пигах происходила следующим образом. Приближавшийся Тимур-хан, как только увидел императора, сошел с коня, также и ближайшая часть свиты его спешила; эмир и свита двинулись навстречу императору пешком. Другие из сопровождавших Тимур-хана тюрков остались на месте, но, видя императора издали, пали перед ним ниц, касаясь лбами земли (*τὸν βασιλέα προσκύνουν, τὰς κεφαλὰς ἐρείσαντες ἐπὶ τὴν γῆν*). Сам эмир пешком приблизился к василевсу, пал ниц перед ним, поцеловал ногу императора (*προσκύνει τε καὶ ἡσπάζετο τὸν βασιλέως πόδα*) и только после этого сел верхом на своего коня. Как говорит Кантакузин, эмир демонстрировал по отношению к василевсу «подданническое смирение» (*δουλείας*) [5]. Выражения *προσκύνει* и *ἡσπάζομαι τοὺς πόδας*, в применении к византийскому дворцовому церемониалу и к особе василевса, обозначали соответственно именно *падение ниц* и *целование ног*. Действительно, эмир воспроизводил традиционную модель приветствования василевса его подданными, хорошо описанную в византийских трактатах по церемониалу. И в прежние эпохи, и в XIV в. непременным элементом этой модели были проскинесис и целование ноги и руки василевса [6].

Не так подробно Кантакузин описывает встречи Андроника III с саруханским эмиром в Фокее в 1329 г. и сыновьями айдынского эмира в 1335 г., но из его слов можно понять, что этикет этих встреч был примерно таким же: вновь подчеркиваются «подданническое смирение» по отношению к василевсу [7] и проскинесис (*προσκύνησαν*) эмиров пред императором [8]. При удачных переговорах Кантакузина с тюркскими пиратами летом 1348 г. вновь говорится, что тюрки совершили проскинесис и целовали ноги императору, на этот раз самому Иоанну VI Кантакузину, который стоял безбоязненно в одиночестве, окруженный ими [9]. При этом следует подчеркнуть, что на этот раз проскинесис и целование ног совершили формально враждебные тюрки, совершавшие набег на византийскую территорию и только что отбившие атаку греков. Проскинесис и целование ног в терминах как византийского, так и мусульманского церемониала означало только одно — тюрки демонстрировали свое верноподданничество, признавая василевса своим государем.

Отметим попутно, что именно эта особенность психологии тюрков в их отношениях с византийцами и сыграла злую шутку с самими греками, для которых тюрки казались не более чем послушным орудием их политической воли. Дональд Николь, большой знаток времени Иоанна Кантакузина, характеризовал отношение великого доместика к тюркам как «наивное» [10]. Однако, как представляется, отношение к тюркам как самого Кантакузина, так и его политических союзников и противников было не столько наивным, сколько чрезмерно самоуверенным. Не признавая за тюрками серьезной самостоятельной силы, они надеялись в каждом отдельном случае дипломатическими ухищрениями и подкупом нейтрализовать возможные негативные последствия их привлечения на службу. Византийцы собственными руками водворили тюрков на Балканах.

Парадигма II: «старший и младший братья»

Отношения между Иоанном Кантакузином и айдынским эмиром Умур-беком, хоть и находились в рамках описанной модели, все же носили особый характер. По свидетельству самого Кантакузина, его связывала с Умур-беком именно дружба (*φιλία*), которая завязалась через переписку и, возможно, началась с 1331 г., после неудачного нападения Умур-бека на Фракию [11]. Личная встреча в Клазоменах в 1335 г., продолжавшаяся 4 дня, окончательно установила между ними «неразрывные узы дружбы»; Умур признал Андроника III своим государем, а себя — одним из его знатных подданных [12]. Для Умура признание себя одним из подданных императора было облегчено и тем, что он был культурно близок к грекам, т.е., вероятно, говорил на греческом [13]. Григора признает, что Умур-бек

«в глубинах своего сердца лелеял любовь к василевсу» Иоанну Кантакузину [14]. В тюркской «Дюс-турнамэ-и Энвери», описывающей воинские подвиги Умур-бека, Кантакузин упоминается не иначе как «брат» (*qardaş*) и «друг» (*yār*) эмира, что является полным тюркским эквивалентом греческому концепту φίλος [15]. Столь искренняя и продолжительная дружба между Кантакузином и Умур-беком поразила воображение современников (и византийцев, и тюрков), равно как и современных исследователей [16]. Если отвлечься от личных привязанностей между Кантакузином и Умур-беком, они реализовывали сложившуюся в прежние века схему взаимоотношений василевса с сельджукским анатолийским султаном, который признавался «другом» (φίλος), οἰκεῖος и «сыном» (υἱός) василевса, но никогда — неравным партнером [17]. Умур-бек поступал по отношению сначала к Андронику III, а потом к Кантакузину, скорее, как младший партнер (или младший брат — согласно тюркскому словоупотреблению), исполняющий некие моральные обязательства, добровольно взятые на себя по отношению к старшему. Прецедент Умура, несомненно, является частным случаем описанной выше модели *государь–подданный*, превалировавшей во взаимоотношениях между византийцами и тюрками с XI и до первой половины XIV в. В особенности эта парадигма «старшего и младшего братьев» активно развивалась во взаимоотношениях между византийскими василевсами и сельджукскими султанами в. XII в.

Парадигма III: «равные государи»

Отмеченное глубокое почтение тюрков к Византии в еще большей степени будет оттенено весьма нестандартным прецедентом взаимоотношений между василевсами и османскими эмирами. Как справедливо полагает Д. Николь, оккупацию Галлиполи Сулайманом в 1354 г. (и дальнейшую взрывную экспансию турков во Фракии) сам Кантакузин пережил как личную трагедию, как провал всей своей стратегии по отношению к анатолийским тюркам. Осознание того, что он собственными действиями способствовал водворению тюрков во Фракии, повлияло на его скорое отречение от власти [18]. Действительно, Кантакузин допустил роковой просчет в своих отношениях с эмиром Орханом; он явно недооценил турка. С самого начала эмир Орхан выбрал особый модус общения с византийцами, кардинально отличавшийся от взаимоотношений греков с другими тюрками из Анатолии.

В модели общения между Андроником III и Кантакузином, с одной стороны, и тюркскими эмирами Караси, Сарухан, Айдын и другими — с другой, независимо от реального соотношения сил, подчеркивались главенство византийского императора и символическая демонстрация подданничества тюркскими вождями. Отношения же с османами с самого начала развивались в несколько ином русле. Первый документированный контакт между Андроником III и Орханом состоялся в 1333 г. Ритуал общения между василевсом и эмиром весьма отличался от описанных выше встреч василевса с другими тюркскими эмирами. Хотя этот контакт и был заочным, внутренний смысл его абсолютно прозрачен. Орхан был провозглашен «другом» василевса и обязался не причинять вреда восточным городам империи (Ορχάνην βασιλέως εἶναι φίλον καὶ τὰς κατὰ τὴν ἕω πόλεις, ὅσαι ἔτι ἦσαν ὑπὲρ τοῦ Ῥωμαίου, ἀδικεῖν μηδέν). Государи обменялись дарами — эмир прислал коней, охотничьих собак, любителем которых был Андроник III, а также ковры и шкуры леопардов; последний же отправил серебряные чаши, шерстяные и шелковые ткани, а также одно из собственных облачений (τῶν βασιλικῶν ἐπιβλημάτων ἐν). Как отметил Кантакузин, дарение собственного платья варварские сатрапы ставили превыше всего и почитали «знаком особого почета и благоволения» (ὁ περὶ πλείστου παρὰ τοῖς βαρβάρων σατράπαις ἄγεται ἀεὶ καὶ τιμῆς εἶναι δοκεῖ τεκμήριον καὶ εὐμενείας) [19]. Мы же добавим, что со стороны императора это было подчеркнутым жестом благоволения старшего государя по отношению к младшему. Схема отношений, проглядываемая в этом эпизоде, подчеркивает более низкий статус османского эмира в сравнении с василевсом. Уже при первом контакте Андроник III был почему-то вынужден воспроизводить схему взаимоотношений именно с сельджукскими султанами, но не с мелкими тюркскими вождями, как это было описано выше.

Османские эмиры, похоже, уже на самых ранних этапах взаимоотношений с византийской верховной властью старались держаться на равных или почти на равных. Это отметил для себя и Кантакузин, подчеркнув, что Андроник III и Орхан в 1331 г. не встречались лично, но обменивались посольствами — καὶ λόγων γενομένων περὶ σπονδῶν διὰ τῶν πρέσβων (οὐ γὰρ αὐτοὶ συνῆλθόν γε ἀλλήλοισι). Очевидно, что Орхан таким образом стремился избежать казавшейся неуместной или некомфортной для него церемонии встречи, которая бы подразумевала ту или иную форму верноподданнических жестов (полной их формой были проскинесис и целование ног, описанные выше).

Орхан даже не стал участвовать в собственной свадьбе с Феодорой, дочерью Кантакузина на византийской территории ранним летом 1346 г. Первая («византийская») часть свадебной церемонии проходила под Селимврией. Орхан прислал 30 кораблей с турецкой кавалерией и своими представителями из высшей знати. Церемония была построена в полном согласии с византийскими обычаями. За пределами Селимврии была возведена деревянная платформа (πρόκυψις ἐξ ξύλων). В назначенный час Феодора взойшла на платформу, скрытая от зрителей шелковыми и златоткаными занавесями. Из всех присутствовавших на церемонии только Иоанн Кантакузин сидел верхом на коне, остальные спешили. Занавеси открылись, и коленопреклоненные евнухи зажгли лампы в их руках, зазвучала музыка. Присутствующие возгласили славословия Феодоре. Это был один из вариантов церемонии *прокиписиса* — в данном случае явления невесты из императорского дома перед подданными [20]. После завершения церемонии Кантакузин дал пир присутствующим. После завершения празднеств Феодора в сопровождении представителей жениха отправилась на территорию Османского эмирата к своему жениху [21]. Возможно, отсутствие Орхана объясняется не только его нежеланием оказаться в положении подданного, но и тем, что его присутствие на церемонии доставило бы много хлопот и византийцам: их традиционный свадебный обряд никак не предполагал того, что один из брачующихся является мусульманином.

По-видимому, между Иоанном Кантакузином и его зятем Орханом произошла лишь одна очная встреча. По описанию самого Кантакузина, весной 1347 г., в ознаменование окончательного овладения империей, он устроил многодневный пир в Скутари, на азиатском берегу Босфора, в котором участвовал Орхан и четверо его сыновей. О каких-либо верноподданнических жестах со стороны Орхана нет и речи. Напротив, во-первых, встреча произошла на турецкой территории (Скутари к тому времени, похоже, было во владении турок); сам факт празднования собственной победы на чужой территории был беспрецедентной уступкой в контексте византийского имперского этикета. Во-вторых, во время пиров император и эмир находились вместе за одним столом как двое равных, в отдалении от всех других [22]. После пиров Феодора, дочь Кантакузина и жена Орхана, в сопровождении сыновей Орхана и знатных турков отправилась в Константинополь. Если Феодора поехала навещать своих родственников, то ее тюркские сводные братья и знатные слуги ее мужа отправились туда ради отдыха и приятного препровождения досуга. Как видно, для детей и подданных Орхана Константинополь все еще сохранял притягательность как некий вожделенный «туристический» объект. Эмир Орхан же остается в своих владениях, вновь избегая посещения византийской территории.

Орхан, по-видимому, с самого начала настаивал на равенстве с византийским императором, что было весьма нетипично, как мы видели, для западно-анатолийских эмиров того времени. Это подтверждается его решимостью распространить свою власть через проливы и утвердиться во Фракии. Попытки византийцев «приручить» Турка (личная «дружба», военный союз, родство) потерпели полный крах. Взаимоотношения между Орханом и Кантакузином ознаменовали конец традиционной модели византийско-тюркских контактов, а вместе с этим и закат феномена византийских тюрков. Тюрки начали ощущать себя равными, более не нуждаясь в милостях и покровительстве византийцев*.

---

* *Примечание:* Отметим попутно, что для самой исконной византийской знати в середине XIV в. выдача дочерей за анатолийских тюрков уже не было чем-то совершенно невообразимым. Среди событий 1345 г. Григора упоминает о замужестве дочери Иоанна Ватаца за эмиром Караси Сулайманом, отмечая, что произошло оно незадолго до того (*Greg.* Т. 2. Р. 741; РЛР. № 2518). Иоанн Ватац, прежний правитель Фессалоники, смещенный Апокавком, перешел на сторону Кантакузина. Его тесть Сулейман (эмир тюрков Караси) прислал ему войско во Фракию для борьбы против Анны Савойской. Императрице Анне удалось вновь переманить Иоанна Ватаца на свою сторону, однако он поссорился с приглашенными тюрками и был убит ими (*Greg.* Т. 2. Р. 741–742). Дополнительно об Иоанне Ватаце см.: *Zachariadou E.* Histoire et légendes des premiers Ottomans // *Turcica.* 1995. Т. 26. Р. 76–77; *Zachariadou E.* The Emirate of Karasi and that of the Ottomans: Two Rival States // *The Ottoman Emirate (1300–1389)* / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. — Р. 231–233. Однако случай Феодоры был беспрецедентным в том смысле, что за анатолийских тюрков была выдана именно императорская дочь. Замужество Феодоры, хотя и было неканоническим, не вызвало никаких протестов со стороны церкви, которая начиная с XII в. строго запрещала браки между мусульманами и христианами. Как отметил Д. Николь, несколькими десятилетиями раньше брак пятилетней дочери Андроника II Симонии за сербским государем Стефаном Милутиным (1281–1320), которому было за сорок, вызвал резкую негативную реакцию патриархата; однако в случае Феодоры церковь понимающе промолчала (*Nicol D.* *The Reluctant Emperor...* Р. 174).

Заклучение

Византия, вплоть до своего падения, а в особенности до середины XIV в., сохраняла свою притягательность для окружавших ее иностранцев. В нескольких специальных работах, выходящих за рамки настоящего исследования, нам уже приходилось говорить о природе этой притягательности Византии для анатолийских тюрков [23]. Тюрки-завоеватели в XI–XIII вв., как анатолийцы, так и северяне, видели в Византии источник высоких административных и военных технологий, утонченного быта, возвышенной культуры. Рим/Византия, греческая и (опосредованно) латинская античность сохраняли на Ближнем Востоке статус неоспоримой престижности, синонима цивилизованности. Византийскую культуру тюрки рассматривали как одну из «дверей», входов в Средиземноморскую цивилизацию. Освоение византийской традиции уже на ранних этапах окультурации туркмен, в конце концов, возвело фундамент для последующего взлета анатолийской тюрко-мусульманской культуры в эпоху развитого Средневековья. Тюрков, призываемых в качестве союзников и наемников, привлекала не только плата за услуги и сопутствующий всяким военным действиям грабеж проигравшей стороны. Несмотря на упадок военной и экономической мощи империи, тюрки продолжали рассматривать Византию как старшего партнера, служба которому сама по себе почетна и престижна. Сейчас, в исторической ретроспекции, последнее утверждение выглядит несколько парадоксальным, но такова была историческая реальность — даже в первой половине XIV в. завоеватели-тюрки продолжали испытывать глубокий пиетет по отношению к будто бы обессилившему противнику. Новую парадигму взаимоотношений начали выстраивать именно османские эмиры, с самого начала претендовавшие на равенство с их византийскими контрагентами.

Список литературы

- 1 Beldiceanu-Steinherr I. La Conquête d'Andrinople par les Turcs: la pénétration turque en Thrace et la valeur des chroniques ottomanes // TM. — 1965. — Т. 1. — P. 439–461.
- 2 Nicephori Gregorae Byzantina historia / Ed. L. Schopen, I. Bekker. — Т. 1–3. Bonn, 1829–1855. — Т. I. — P. 302, 317, 351.
- 3 Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri iv / Ed. L. Schopen. — Т. 1–3. Bonn, 1828–1831–1832. — Т. I. — P. 206–207; Johannes Kantakuzenos. Geschichte / Übersetzt und erläutert G. Fatouros und T. Krischer. Bd. 1–2. Stuttgart, 1982–1986. Bd. 1. — S. 277, Anm. 288.
- 4 Gregoras. — Т. I. — P. 384.
- 5 Cantac. — Т. 1. — P. 340. 2–9.
- 6 Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des cérémonies. — Т. 1–2 / Ed. Albert Vogt. Paris, 1967. — P. 74.19–20, 86.23 и др.; Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introd., texte et trad. par J. Verpeaux. Paris, 1966. P. 235.27–236.1 (ἀσπάζεται τὸν τοῦ βασιλέως πόδα καθήμενος ἐπὶ θρόνου καὶ τὴν χεῖρα), 238.23–24 (ἀσπάζεται τὸν βασιλέα ἐν τῷ στόματι), 275.3–4 (τὸν τοῦ βασιλέως κύψας ἀσπάζεται πόδα) 234.24–26 (ἀσπάζονται πρῶτον μὲν τὸν δεξιὸν πόδα τοῦ βασιλέως, εἶτα τὴν δεξιὰν χεῖρα), 236.3–6 (οἱ ἄλλοι τῶν Γεννοϊτῶν ἄρχοντες, ἐρχόμενοι ἐξ ἀποδημίας, προσκυνοῦντες ἀσπάζονται τὸν τοῦ βασιλέως πόδα καὶ τὴν χεῖρα), 238.29–239.2 (ἀσπάζονται καὶ οὗτοι τὸν βασιλέα, πρῶτον μὲν εἰς τὴν χεῖρα, εἶτα πρὸς τὴν παρεῖαν). Ср. с целованием священных объектов: 191.2–3 (ὁ βασιλεὺς... ἀσπάζεται τὰς ἁγίας εἰκόνας), 222.9–10 и 241.6 (ἀσπάζεται τὸν σταυρὸν), 234.10 (ἀσπάζεται τὸ εὐαγγέλιον) и др.
- 7 Cantac. — Т. 1. — P. 388.15.
- 8 Cantac. — Т. 1. — P. 481.15–16.
- 9 Cantac. — Т. 3. — P. 65.18–19: περιστάμενοι προσεκύουν καὶ ἡσπάζοντο τοὺς πόδας, μόνον ἔχοντες ἐν μέσσις.
- 10 Nicol D.M. The Reluctant Emperor. A Biography of John Cantacuzene, Byzantine Emperor and Monk. — С. 1295–1383. Cambridge, 1996. — P. 174–175.
- 11 ὁ γὰρ μέγας δομέστικος καὶ πρότερον μὲν εἶχε πρὸς Ἀμοῦρ φιλίως καὶ γράμμασιν αὐτῷ ὠμίλει... (Cantac. Т. 1. P. 482.14–15), ἀρρήκτοις φιλίας δεσμοῖς (Cantac. Т. 1. P. 483.10) и Ἀμοῦρ ὁ τοῦ Αἰτίνης, φίλος ὢν ἐς τὰ μάλιστα Καντακουζηνῶ τῷ βασιλεῖ... (Cantac. Т. 2. P. 344.12–13).
- 12 Cantac. — Т. 1. — P. 482–483: τῶν ὑπ' ἐκείνῳ τελούντων ἐπιφανῶν Ῥωμαίων νομίζειν ἓνα.
- 13 Greg. — Т. 2. — P. 649. 14–15 οὕτως οὐ βάρβαρον ὁ βάρβαρος εἶχε τὸν τρόπον, ἀλλ' ἡμερον καὶ παιδείας Ἑλληνικῆς τὸ παράπαν ἔχόμενον.
- 14 Greg. — Т. 2. — P. 648.9–8: ἐν τοῖς καρδίας θαλάμοις ἔθαλε τὸν τοῦ βασιλέως ἔρωτα.
- 15 Mélikoff I. La Geste d'Umur Pacha (Düsturname-i Enveri). Paris, 1954. P. 98 (ver. 1470), 106 (ver. 1768, 1772–1773), 111 (ver. 1914), 124 (2310) и т.д. Об этом см. также: Lemerle P. L'emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La geste d'Umur Pacha». — Paris, 1957. — P. 145 и сл.
- 16 Флоринский Т.Д. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Вып. 1–2. СПб., 1882. Вып. 1. С. 67–76; Nicol D.M. The Reluctant Emperor... P. 174; Gill J. John V.I. Cantacuzenus and the Turks // Βυζαντινά. — 1985. — Т. 13. — P. 58 note 2.
- 17 Macrides R. The Byzantine Godfather // BMGS. — 1987. — Vol. 11. — P. 139–162, особенно p. 151; Korobeinikov D. A Sultan in Constantinople: the Feasts of Ghiyāth al-Dīn Kay-Khusraw I // Eat, Drink, and be Merry (Luke 12:19) — Food and Wine in Byzantium / Ed. L. Brubaker and K. Linardou. London, 2007. — P. 93–108.

18 Nicol D. The Reluctant Emperor... — P. 177.

19 Cantac. — Т. 1. — P. 446–448, особенно. — P. 447. 14–24.

20 Oxford Dictionary of Byzantium / Edit. A. Kazhdan, A.M. Talbot. Vol. 1–3. New York & Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1732–1733; Bryer A. Greek Historians on the Turks: the Case of the First Byzantine-Ottoman Marriage // The Writing of History in the Middle Ages. Essays presented to R.W. Southern / Ed. R. Davis, J. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981. P. 482–484; Поляковская М.А. Сакрализация парадной жизни византийского императорского дворца эпохи Палеологов // Известия Уральского гос. ун-та. — 2009. — № 4 (66). — С. 232 (с дальнейшими ссылками на источники и литературу).

21 Cantac. — Т. 2. — P. 585–589.

22 Cantac. — Т. 3. — P. 28.

23 Шукуров Р.М. Гаремное христианство: византийская идентичность анатолийских Сельджуков // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 8. — СПб., 2011; Шукуров Р.М. Формулы самоидентификации анатолийских турков и византийская традиция (XII–XIII вв.) // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. — М., 2001. — С. 151–173; Шукуров Р.М. Туркменские владыки Римской империи (К семантике термина Рум / Романия) // От Средних веков к Возрождению: Сб. в честь проф. Л.М. Брагиной. — СПб., 2003. — С. 169–180; Shukurov R. Christian Elements in the Identity of the Anatolian Turkmens (12th–13th Centuries) // Cristianità d'occidente e cristianità d'oriente (secoli VI–XI). CISAM. — Spoleto, 2004. — P. 707–764; Shukurov R. Turkmen and Byzantine self-identity. Some Reflections on the Logic of the Title-Making in Twelfth- and Thirteenth-Century Anatolia // Eastern Approaches to Byzantium / Ed. A. Eastmond. — Aldershot, 2001. — P. 255–272.

Р.М.Шукуров

1328–1347 жж. василевс және түрік әмірлері: салтанатты қатынастардың парадигмалары

Мақалада XIV ғ. алғашқы үштен бірінде византия императорлары мен анатолий түрік әмірлерінің салтанатты қатынастарының парадигмалары зерттелді. Автор XII және XIII ғғ. алынған және XIV ғ. пайда болған қарым-қатынастардың үш үлгісін бөліп көрсетті. Қарым-қатынастардың жаңа үлгісі осман әмірлері тарапынан жалғасын тапты және император мен осман әмірі арасындағы салтанатты теңдікті жорамалдады.

R.M.Shukurov

Basileus and Turkish emirs in 1328–1347: paradigms of ceremonial relation

The article explores the paradigms of ceremonial relations between the Byzantine emperors and Anatolian Turkic emirs in the first third of the XIV century. The author identifies three models of relationships, two of which were borrowed from the XII and XIII centuries. And the other one appeared only in the XIV century. The new model of relationship was proposed by the Ottoman emirs and offered ceremonial equality between the emperor and the Ottoman emir.

References

1 Beldiceanu-Steinherr I. *TM*, 1965, 1, p. 439–461.

2 Nicephori Gregorae Byzantina historia, ed. L. Schopen, I. Bekker, 1–3. Bonn, 1829–1855, I, p. 302, 317, 351.

3 Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri iv, ed. L. Schopen, 1–3. Bonn, 1828–1831–1832, I, p. 206–207; Johannes Kantakuzenos. Geschichte / Übersetzt und erläutert G. Fatouros und T. Krischer, bd. 1–2, Stuttgart, 1982–1986, bd. 1, s. 277, Anm. 288.

4 Gregoras, I, p. 384.

5 Cantac, 1, p. 340. 2–9.

6 Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des ceremonies, t. 1–2, edit. Albert Vogt. Paris, 1967, p. 74.19–20, 86.23 и др.; Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introduc., texte et traduc. par J. Verpeaux. Paris, 1966, p. 235.27–236.1 (ἀσπάζεται τὸν τοῦ βασιλέως πόδα καθημένου ἐπὶ θρόνου καὶ τὴν χεῖρα), 238.23–24 (ἀσπάζεται τὸν βασιλέα ἐν τῷ στόματι), 275.3–4 (τὸν τοῦ βασιλέως κύψας ἀσπάζεται πόδα) 234.24–26 (ἀσπάζονται πρῶτον μὲν τὸν δεξιὸν πόδα τοῦ βασιλέως, εἶτα τὴν δεξιὰν χεῖρα), 236.3–6 (οἱ ἄλλοι τῶν Γεννοῦτῶν ἄρχοντες, ἐρχόμενοι ἐξ ἀποδημίας, προσκυνοῦντες ἀσπάζονται τὸν τοῦ βασιλέως πόδα καὶ τὴν χεῖρα), 238.29–239.2 (ἀσπάζονται καὶ οὗτοι τὸν βασιλέα, πρῶτον μὲν εἰς τὴν χεῖρα, εἶτα πρὸς τὴν παρεῖαν). Ср. с целованием священных объектов: 191.2–3 (ὁ βασιλεὺς... ἀσπάζεται τὰς ἁγίας εἰκόνας), 222.9–10 и 241.6 (ἀσπάζεται τὸν σταυρὸν), 234.10 (ἀσπάζεται τὸ εὐαγγέλιον) и др.

7 Cantac, 1, p. 388.15.

8 Cantac, 1, p. 481.15–16.

- 9 Cantac, 3, p. 65.18–19: περιστάμενοι προσεκύνουν καὶ ἡσπάζοντο τοὺς πόδας, μόνον ἔχοντες ἐν μέσοις.
- 10 Nicol D.M. *The Reluctant Emperor. A Biography of John Cantacuzene, Byzantine Emperor and Monk*, p. 1295–1383. Cambridge, 1996, p. 174–175.
- 11 ὁ γὰρ μέγας δομῆστικός καὶ πρότερον μὲν εἶχε πρὸς Ἀμοῦρ φιλίως καὶ γράμμασιν αὐτῷ ὠμίλει... (Cantac, t. 1, p. 482.14–15), ἀρρήκτους φιλίας δεσμοῖς (Cantac, t. 1, p. 483.10) ἢ Ἀμοῦρ ὁ τοῦ Αἰτίνης, φίλος ὢν ἐς τὰ μάλιστα Καντακουζηνῷ τῷ βασιλεῖ... (Cantac, t. 2, p. 344.12–13).
- 12 Cantac, 1, p. 482–483: τῶν ὑπ' ἐκεῖνῳ τελούντων ἐπιφανῶν Ῥωμαίων νομίζειν ἓνα.
- 13 Greg, 2, p. 649. 14–15 οὕτως οὐ βάρβαρον ὁ βάρβαρος εἶχε τὸν τρόπον, ἀλλ' ἡμερον καὶ παιδείας Ἑλληνικῆς τὸ παράπαν ἐχόμενον.
- 14 Greg, 2, p. 648.9–8: ἐν τοῖς καρδίας θαλάμοις ἔθαλλε τὸν τοῦ βασιλέως ἔρωτα.
- 15 Mélikoff I. *La Geste d'Umur Pacha (Düsturname-i Enveri)*, Paris, 1954, p. 98 (ver. 1470), 106 (ver. 1768, 1772–1773), 111 (ver. 1914), 124 (2310) et al. About it watch also: Lemerle P. L'emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La geste d'Umur Pacha», Paris, 1957, p. 145 и сл.
- 16 Florinskiy T.D. *Southern Slavs and Byzantium in the second quarter of the XIV century*, 1–2, Saint Petersburg, 1882, 1, p. 67–76; Nicol D.M. *The Reluctant Emperor...*, p. 174; Gill J. *John V.I. Cantacuzenus and the Turks*, Βυζαντινά, 1985, 13, p. 58, note 2.
- 17 Macrides R. *BMGs*, 1987, 11, p. 139–162, special p. 151; Korobeinikov D. *Eat, Drink and be Merry (Luke 12:19) — Food and Wine in Byzantium*, edit. L. Brubaker and K. Linardou, London, 2007, p. 93–108.
- 18 Nicol D. *The Reluctant Emperor...*, p. 177.
- 19 Cantac, 1, p. 446–448, special, p. 447, 14–24.
- 20 Oxford Dictionary of Byzantium, ed. A. Kazhdan, A.M. Talbot, vol. 1–3, New York & Oxford, 1991, vol. 3, p. 1732–1733; Bryer A. *The Writing of History in the Middle Ages. Essays presented to R.W. Southern*, ed. R. Davis, J. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981, p. 482–484; Polyakov M.A. *Sacralization ceremonial life of the Byzantine imperial palace Palaeologus era*, Proceedings of the Ural State. Univ., 2009, 4 (66), p. 232 (with further references to sources and literature).
- 21 Cantac, 2, p. 585–589.
- 22 Cantac, 3, p. 28.
- 23 Shukurov R.M. *Black Sea coast in the Middle Ages*, edit. S.P. Karpov, 8, Saint Petersburg, 2011; Shukurov R.M. *Black Sea coast in the Middle Ages*, edit. S.P. Karpov, Moscow, 2001, p. 151–173; Shukurov R.M. From the Middle Ages to the Renaissance: collection in honor of Professor L.M. Bragina, Saint Petersburg, 2003, p. 169–180; Shukurov R. *Cristianità d'occidente e cristianità d'oriente (secoli VI–XI)*. CISAM, Spoleto, 2004, p. 707–764; Shukurov R. *Eastern Approaches to Byzantium*, ed. A. Eastmond, Aldershot, 2001, p. 255–272.